

Б ы л о е.

I.

В этомъ лѣтомъ мнѣ удалось побывать на Дону, въ станицѣ К—ой. Тамъ я родился, тамъ протекли годы моего дѣтства, когда бытовые оттѣнки казачества съ особою силою врѣзаются въ память человѣка.

Родина!... Милыя, чудныя мѣста.... Каждый предметъ далеко растянувшейся станицы отдаетъ старымъ, роднымъ... Давно ли тотъ садъ, что обнялъ отцовскій домъ, походилъ на рядъ мелкихъ жалкихъ кустовъ; теперь онъ бросаетъ широкую тѣнь на разогрѣтую солнцемъ землю. Давно ли самъ, съ сумею въ рукахъ, ходилъ въ школу учиться грамотѣ, строю, ѣздѣ?... Сверстники мои давно кончили службу и зажили *своими* домами. Иныхъ и не узнаешь.

Все измѣнилось, все выросло, все вышло изъ тѣхъ рамокъ, что унесла съ собою дѣтская память.

Но мысль перенеслась за версту отъ станицы, туда, гдѣ вотъ уже сорокъ лѣтъ живетъ генераль Т., и передъ мною всталъ все тотъ же юный старичекъ съ молодыми свѣтлыми глазами, широкимъ загорѣлымъ румянцемъ на лицѣ, но съ тяжелыми, больными ногами. Съ тѣхъ поръ, какъ его посѣтилъ параличъ, онъ оставилъ Н казачій полкъ, которымъ командовалъ, и ушелъ въ отстѣвку.

Генераль зажилъ трудовою жизнью. Съ двумя костылями въ рукахъ, онъ распланировалъ отведенное ему за станицею мѣсто подъ садъ, выписалъ рѣдкія фруктовыя деревья и весь свой досугъ отдалъ зеленому «полку».

Шли годы. Близость воды и уходъ за «полкомъ» (такъ назывался садъ, потому что рассадка деревьевъ производилась по *шеренамъ*) быстро сказались. Сѣрая площадь зазеленѣла. На томъ мѣстѣ, гдѣ раньше виднѣлась полынь, теперь кудлатились груши, яблоки разныхъ сортовъ, поднялись тѣсные ряды вишни.

Здоровый климатъ постепенно дѣлалъ свое благотворное дѣло, и генерала не разъ можно было видѣть гуляющимъ безъ подпорокъ—костылей.

И много слыхалъ про Александра Дементьевича—такъ зовутъ генерала—слыхалъ про его рѣдкую память, съ точностью устанавливающую восьмидесятилѣтнюю давность различныхъ эпизодовъ его жизни, и далъ себѣ слово побывать у него.

Выбралъ ближайшій праздникъ и пошелъ.

Въ степномъ краѣ солнышко добрѣе. Такую жару я нигдѣ не испытывалъ.... Баня безъ влаги—вспомнились мнѣ слова одного петербуржца, заглянувшего на Донъ.

И вѣрно. Именно *баня!*...

Пришелъ къ генералу весь измученный, усталый....

— Радъ васъ видѣть, встрѣтилъ онъ меня. Въ станицѣ жить—одно удовольствіе, только для этого нужно двѣ вещи: найти способъ утихомирить буйную «казуню» (потверже атамановъ выбирайте, подумалъ я), да свѣжихъ людей присылайте, чтобы нашъ братъ не скисалъ.

И тутъ же повѣдалъ мнѣ, какъ, несмотря на его необычный въ станицѣ чинъ, воровская рука казаковъ касалась его домашности, кошелька, живности.

— Да это бы все ничего: грозятъ, мерзавцы, когда начинаю доискиваться авторовъ этихъ продѣлокъ—вотъ въ чемъ вся бѣда.... Много я прожилъ, много видѣлъ, но то, что творится сейчасъ, право, новое.

Я постарался отвести мысли старика отъ волновавшихъ его думъ и спросилъ:

— А раньше жили по иному?

— Какъ же можно?!.. И сравнить нельзя!... Позвольте вамъ повѣдать про себя. Говорить длинно—времени не хватитъ. Какъ досадно, что некому записать прошлое съ нашихъ, стариковскихъ, словъ. Вѣдь не я же одинъ живъ и здоровъ изъ тысячи тѣхъ, кто

быль свидѣтелемъ длинныхъ походовъ, да станичной жизни... Начну, пожалуй, издалека—съ дѣтства. Буйствомъ, да разбоемъ заниматься было некогда: все служба, да служба!

Онъ откашлялся, расправилъ руками свою широкую бороду, подумалъ минуту-другую и продолжалъ.

— Мнѣ было 8 лѣтъ, когда я поступилъ въ приходскую школу грамотности. Отецъ мой, хорунжій, служилъ въ Черкассахъ, Кіевской губ., адъютантомъ въ полку Краснова. То-то было время: насъ не столько учили, сколько били. Учителемъ былъ урядникъ Слащевской станицы, Степанъ Емельяновъ Красновъ. Пьянымъ онъ входилъ въ классъ (трезвымъ почти никогда не былъ), пьянымъ и уходилъ. Сидѣли въ шубахъ—такой былъ холодъ... Начинается «ученье»—вызываетъ и съ мѣста же линейка свиститъ въ воздухѣ. Впрочемъ билъ, чѣмъ попало: линейкой по рукамъ, ежели чистописаніе не въ порядкѣ; розгой—въ растяжку на полу, въ случаѣ незнанія урока; рукою по лицу (оплеуха)... Какою Голгофою была для насъ школа!...

Проучился я въ ней цѣлыхъ три года. Конечно, ничему путному я не научился. На мое счастье, а можетъ быть и несчастье, въ нашу школу заглянулъ окружный инспекторъ Голубовъ. Вызвалъ меня рѣшить задачу—рѣшилъ. Моя смекалка бросилась въ глаза. Начинаетъ спрашивать, кто мой отецъ, гдѣ живетъ, чѣмъ занимается, а уѣзжая сказалъ, чтобы мать непременно привезла меня въ окружное училище въ Чирскую станицу.

Трудно ей это было сдѣлать: жила бѣдно, средствъ никакихъ... Наконецъ, мы тронулись въ Чиры. Остались у казака Рубцова за 10 рублей серебромъ въ годъ. Мать сейчасъ же уѣхала назадъ.

Нужно сказать, что этотъ Рубцовъ когда-то былъ въ шайкѣ Пугачева. Было ему 96 лѣтъ. Не проходило дня, чтобы онъ не былъ пьянъ. Днемъ пьетъ, а какъ вечеръ—лѣзетъ на печку спать. Затянетъ пѣсню, да съ ней и засыпаетъ. Особенно любилъ онъ пѣть двѣ пѣсни:

Не шуми мати, зелена дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думати!

Или:

Какъ по матушкѣ, по Сурѣ рѣкѣ
Плывутъ два кораблика,
Еще третья лодочка разными красками разукрашена.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ весломъ,
На носу сидитъ есаулъ съ ружьемъ...

Любилъ онъ Пугачева. «Молодецъ», говаривалъ Рубцовъ, «былъ онъ: всегда-то жаловалъ насъ, казачать. Бывало—мѣдныя деньги мы мѣрили ведрами, водку—бочками».

Въ окружномъ училищѣ меня посадили на первую скамейку. Особенно мнѣ давалась математика. Учителемъ у насъ былъ какой-то Ивановъ. Объяснялъ скверно, непонятно, а наказывалъ изрядно. И тутъ лунка, да порка!... Вызвалъ какъ-то къ доскѣ и меня, далъ задачу. Рѣшилъ. Объясни, говорить. Сталъ я думать. А онъ подошелъ, да какъ толкнетъ меня въ шею.... Я лбомъ въ доску.... Это, вѣроятно, для ускоренія процесса мышленія.

Съ этого раза у меня пропала охота не только къ математикѣ, а и вообще къ занятіямъ. Я сталъ слезно просить мать взять меня изъ «науки». Къ Пасхѣ она пріѣхала. Я съ плачемъ рассказывалъ ей про учительское усердіе и умолялъ отвезти меня домой.

Образованіе мое закончилось. Сталъ я ходить въ станичное правленіе переписывать бумажки. Какъ и что писалъ—никому дѣла не было.

Въ это время пріѣхалъ со службы мой дядя, сотникъ артилеріи, узналъ, что къ *письму* у меня есть охота и взялъ въ обученіе. Съ этихъ поръ судьба связала меня съ нимъ надолго. Я не отставалъ отъ него ни на шагъ. Въ 53 году онъ поѣхалъ въ лагерь и я съ нимъ.

Началась Крымская война. Дядю призвали въ строй. Онъ взялъ съ собою и меня—долженъ былъ ѣхать въ Варшаву, гдѣ тогда изъ полковъ и батарей формировались двѣ батареи; дядя велъ туда мастеровыхъ.

Еще на Дону я подалъ прошеніе о зачисленіи меня въ 5-й полкъ. Когда я прибылъ въ Варшаву, его уже не было.

Кстати о пути. Ѣхали на обывательскихъ, съ довольствіемъ отъ жителей. Кругомъ бѣднота... Не забудьте, на югъ шла Крымская война, а на западѣ мы готовились къ борьбѣ съ Австріей. Постоянныя передвиженія войскъ и отдѣльныхъ лицъ съ довольствіемъ отъ жителей истожили села, деревни и города до крайности. На дорогѣ какое-то столпотвореніе: все двигалось, все искало корма, пристанища....

Въ Варшаву я прибылъ съ легкимъ багажемъ: 2 сорочки, сѣрая шинель и муциръ—вотъ все, что со мною было.

Походнымъ атаманомъ назначили ген. Кузнецова. Меня зачислили въ 5-й полкъ, но оставили въ управленіи.

Сталъ я писать, больше переписывать, не разъ командировался съ порученіями.

Какъ-то разъ я написалъ бумагу отъ имени походнаго атамана въ Сибирь, чтобы его крестьянина освободили отъ наказанія, на-

писалъ и понесъ ее генералу. Почеркъ мой ему понравился, и онъ давай меня спрашивать, кто мой отецъ, гдѣ я учился и т. д.

— А почему, говорить, ты не урядникъ?

— Еще не представили, ваше прев—во, отвѣчаю.

Нужно сказать, что въ то время урядничество цѣнилось гораздо выше, чѣмъ теперь. Въ урядники производилъ самъ наказный атаманъ. На другой день пошло мое представленіе, а черезъ полтора мѣсяца я надѣлъ урядничьи погоны.

Отрядъ ген. Кузнецова былъ предназначенъ для вторженія въ Австрію. Мы считали минуты, когда намъ вотъ-вотъ прикажутъ двинуться черезъ границу. Но Крымская война окончилась и отрядъ расформировали.

Тронулись на Донъ. Я былъ прикомандированъ ко 2-й резервной батарее. Въ то время артилерія имѣла денежный отпускъ на ѣду во время похода, полки же питались подножнымъ кормомъ, получая довольствіе только на полгода: остальное время довольствуйся, какъ хочешь и можешь. А дорога длинная—шли четыре мѣсяца.

Ну, думаю, обрадуется отецъ: пришелъ со службы сынъ-урядникъ!... Ёду и рисую радостныя картины. Вотъ и станица. Въѣзжаю во дворъ. Поздоровался.

— Ты чего же это пришелъ домой, спрашиваетъ отецъ; чего не служишь?...

— Да вотъ, говорю, отдохнуть захотѣлось....

— Тутъ дѣлать нечего; ступай-ка на службу!

На другой день я былъ въ дорогѣ на Кавказъ (шелъ мнѣ тогда 17-й годъ); коня пришлось вести въ поводу, самъ же ѣхалъ въ возгѣ.

Робно черезъ мѣсяць я былъ въ полку Грекова, на Кубани. Походнымъ атаманомъ былъ генералъ Яковъ Петровичъ Баклановъ, человекъ рѣшительный, прямой.... Грекова онъ скоро отчислилъ, и полкъ принялъ майоръ Измайловъ.

Въ дѣлахъ были каждый день. То и дѣло изъ строя убывали убитыми и ранеными мои товарищи-однолѣтки. Огня почти не было—больше въ шашки, да пики.

Командиръ вполне подходилъ подъ Бакланова. Ни раны, ни уронъ не останавливали его въ погонѣ за черкесами. Казаки его любили. Про него и пѣсню сложили:

Какъ іюня 6-го, была пятница Христова,
 Какъ собранье Магомета въ другой разъ уже за лѣто,
 Наши сотни выбѣгали и „ура“ на нихъ кричали.

Каждый пику на бедро — вотъ потѣха и добро!...
 Кавалеръ майоръ Измайловъ — онъ умѣетъ ихъ принять:
 Хотъ и рану получить, Магомета проучиль.
 Bravo, bravo, не робѣй!.. Свинецъ и порохъ не жалѣй!
 Удалые, не робѣй, свинецъ, порохъ не жалѣй.

Полюкъ скоро кончилъ свою службу и ушелъ на Донъ. И хотѣлось бы поѣхать въ родные края, да ужь больно свѣжа была въ памяти картина послѣдней встрѣчи съ отцомъ — взялъ и перевелся въ полкъ Омина (№ 14).

Назначили меня въ конвойную команду ген. Козловскаго, въ Майкопскій отрядъ. Несъ службу простого казака. Трудное было время, особенно при постройкѣ Майкопскаго укрѣпленія. Товарищей моихъ почти всѣхъ перебили. Кавказцы народъ мѣткій, ловкій. Рѣдкій выстрѣлъ пропадалъ даромъ. Совѣтовали показывать свою удалъ «по штату», когда прикажутъ — иначе вѣрная смерть.

Въ Майкопскомъ отрядѣ я былъ раненъ. И «штатъ» меня не спасъ...

Сейчасъ же заговорили о наградѣ. Въ то время можно было между наградами дѣлать выборъ: либо Георгіевскій крестъ, либо первый офицерскій чинъ. И какъ высоко стоялъ тогда Георгій: почти всѣ отказывались отъ чина, предпочитая украсить свою грудь крестомъ «за храбрость».

Хотѣлъ было и я послѣдовать этому примѣру, да станичникъ, сотникъ Кирьяновъ, отсовѣтовалъ: «проси, говоритъ, хорунжаго...» А тутъ еще играло роль и то обстоятельство, что награда крестомъ слѣдовала беззамедлительно, властью ближайшаго начальства высшаго ранга, а чинъ гулялъ иногда по году.

Какъ только рана моя стала заживать, я попросился въ отпускъ — вѣдь годъ прошелъ, какъ началась моя служба на Кавказѣ.

Отпустили меня на 3 недѣли. Сѣлъ на коня, захватилъ съ собою подарокъ отцу — полпуда пороху, да и отправился въ станицу.

За девять сутокъ, отмахавъ 800 верстъ, я пріѣхалъ въ станицу. Курьезно, когда тронулся въ дорогу, у меня было ровно 20 копѣекъ, ей Богу, не вру... Кормился, чѣмъ попало. Помню, пріѣзжаю въ одну слободку, спрашиваю у старосты, гдѣ бы можно перекусить. «Пожалуйте, говоритъ, сюда: нынче тутъ упокойничка хоронили, а теперъ поминки идутъ!»

Никогда такъ сладко не ѣлъ въ своей жизни, какъ въ тотъ день. Пообѣдалъ, да еще и съ собою прихватилъ.

Пріѣзжаю домой. Пріемъ хотъ и другой, а все же суховатый: чего-де я разѣзжаю, когда тамъ дерутся?! Только подаркомъ уми-

лоставилъ отца. Въ тотъ же день къ вечеру онъ настрѣлялъ сайгакъ для гостя. А за коня не похвалилъ: на бокъ его, гдѣ висѣлъ порохъ, страшно было взглянуть, такъ растеръ ему кожу.

Въ станицѣ я пробылъ недолго, недѣлю съ днемъ. Надо было ѣхать назадъ. Своего коня оставилъ, а отправился на купленномъ мнѣ отцомъ иноходцѣ—заплатилъ онъ за него 15 рублей. Вотъ какія цѣны были тогда на лошадей!

По своемъ прїѣздѣ въ отрядъ я узналъ о производствѣ меня въ хорунжіе съ откомандированіемъ въ полкъ.

Надо было представиться командиру, а въ чемъ? Мундира нѣтъ, прочей принадлежности тоже. Спасибо, выручилъ Кирьяновъ: далъ португую, содрали вмѣстѣ съ нимъ урядничьи галуны съ мундира, нацѣпили прапорщичьи погоны, да въ такомъ видѣ и маршъ къ командиру на представленіе въ Ставрополь.

А самъ всетаки не бросилъ мысль завести всѣ предметы офицерскаго снаряженія. Написалъ отцу: произведенъ, помоги опериться!... «У меня», отвѣчаетъ тотъ, «есть мундиръ, шаровары, пальто—хоть и добрыя, а ты ихъ перелицуй: и вовсе хороши будутъ. Съ оказіей приплю».

Но оказія не подвернулась!

Началась моя строевая офицерская служба. Не забудьте, что строевое дѣло у насъ, съ современной точки зрѣнія, находилось въ зачаточномъ состояніи. Рубили отлично, лаву дѣлали умѣло, но и только. Духъ учебнаго полка къ намъ еще не проникъ, и мы жили старыми порядками. Не только урядникъ—офицеры зачастую были невѣжественны тамъ, гдѣ нынѣ любой рядовой гораздъ. Чтобы не пояснять примѣрами и не доказывать состоянія строевой подготовленности нашихъ полковъ, я расскажу такой случай.

Въ сороковыхъ годахъ, преемственность которыхъ перешла и къ намъ, полкъ Өомина, идя въ Западный край съ Дона, долженъ былъ представиться походному атаману, ген. Сергѣеву. Офицерскій составъ былъ пестрый: бывшіе учителя, стряпчіе, засѣдатели, повытчики, секретари. Разумѣется, въ строю были сильны, какъ я въ китайскомъ языкѣ: въ сѣдлѣ не умѣли сидѣть.

Вышли на плацъ. Стали выстраиваться—какая-то толпа. Никто не знаетъ ни мѣста, ни команды.... Кто-то вспомнилъ, что среди казаковъ есть разжалованный урядникъ Атаманскаго полка, гдѣ строй всегда стоялъ высоко. Ну, попросили помочь. Урядникъ разставлялъ всѣхъ по мѣстамъ—такимъ образомъ, стоя на мѣстѣ, съ грѣхомъ пополамъ показаться могли.

Подъѣзжаетъ генераль. Приказываетъ пройти церемоніальнымъ маршемъ.

— Ваше превосходительство, рапортуеть командиръ, ни я, ни г.г. офицеры строя не знаемъ.

— Какъ?... Никто?...

— Никто, ваше-ство!...

— Господа офицеры, обращается генераль, пожалуйста сюда. Правда, что никто изъ васъ со строемъ не знакомъ?

— Сущая правда, ваше-ство, отвѣчали сѣдобородые стряпчие да повытчики.

— Грустно, очень грустно... Но неужели такъ-таки никто и церемоніальнымъ маршемъ не можетъ провести мимо меня полкъ?...

— Да тутъ есть у насъ, отвѣчаютъ ему хоромъ «офицеры», одинъ казакъ, бывший атаманецъ—онъ сможетъ!

Вызвали атаманца.

— Можешь? спрашиваетъ атаманъ.

— Такъ точно, могу!

— Вали!... А вы, господа офицеры, оставайтесь при мнѣ.

Полчаса прошло, пока атаманецъ объяснялъ полку, что надо дѣлать. Урядниковъ поставилъ передъ взводами, а вахмистровъ—передъ сотнями.

Ну, тронулись.... Хоть и зигзагами—прошли....

— Спасибо, братцы, благодарилъ генераль казаковъ, *и васъ благодарю, г.г. офицеры!*

Послѣдняя благодарность вызвала въ сердцахъ стариковъ бодрящее настроеніе, и сейчасъ же былъ организованъ походный обѣдъ съ возліяніемъ....

Вотъ какой духъ виталь, правда, какъ пережитокъ прошлаго, надъ нашими полками, когда я надѣлъ офицерскіе погоны.

Тутъ я служилъ недолго: меня спустили на Донъ, а черезъ годъ, въ 62 году, командировали въ Польшу. Хорошая часть Дона должна была идти въ Западный край—11 полковъ. Нашъ полкъ (№ 36) прибылъ на пограничный пунктъ, въ станицу Казанскую. Туда же прибылъ для проводовъ окружный атаманъ 4-го (Хоперскаго) округа, ветеранъ Отечественной войны, г.-л. Красновъ. Въ подрастающее поколѣніе онъ не вѣрилъ и, тыкая на насъ пальцемъ, прямо говорилъ: «дряноц!...».

М. Курмояровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

